

Чан Ли опустила взгляд, её лицо, как всегда, не выражало ни гнева, ни радости. Чжун Минчжу с любопытством наблюдала за ней, замечая в её тёмных глазах едва уловимую растерянность, размышляя, как та отреагирует.

Скорее всего, всё закончится молчанием, пока она сама снова не поднимет тему, подумала Чжун Минчжу, как вдруг услышала голос Чан Ли.

Холодный и отстранённый, он для любого другого звучал бы как вечный ветер Равнин Шоюань. Но Чжун Минчжу заметила, как перед тем, как заговорить, Чан Ли слегка сжала губы, словно принимая какое-то решение.

— Почему ты ушла без разрешения? — Чёрные глаза смотрели прямо на неё, излучая почти упрямую решимость.

— Хм? — Эти до боли знакомые слова заставили бровь Чжун Минчжу дёрнуться. Она не отводила взгляда, спокойно встретив тот взгляд, который у других вызывал страх. Уголки её губ приподнялись, сначала раздался смешок, за которым последовал безудержный смех.

Это не было насмешкой или сарказмом, это был чистый, искренний смех. Насмеявшись, она приложила руку к груди, чувствуя, как она вздымается, и, заметив, что Чан Ли собирается повторить вопрос, сделала несколько шагов к ложу, села на пол, взяла Чан Ли за рукав и, глядя на неё, опередила её:

— Дело не в трёх.

Она не забыла, она, конечно же, помнила.

— Я расскажу тебе, — мягко произнесла она.

Это был сладкий, почти гипнотический голос. Она получит то, что хочет, как всегда. Она верила в это без всяких оснований.

Так же, как когда-то она была уверена, что сможет втянуть Чан Ли в мирскую суету.

Что бы это ни было, она всегда получала желаемое.

Она рассказала Чан Ли, почему ушла в тот день, ничего не скрывая. И не было нужды скрывать. Чан Ли была умна, она видела достаточно, чтобы все уловки стали бесполезны. Да и Чжун Минчжу не хотелось скрывать.

Если это приведёт к непредвиденным последствиям, что ж, тогда разберёмся позже —

Чжун Минчжу была именно такой.

Если это украденный момент покоя, то пусть он продлится чуть дольше.

После этого момента она задумалась о серьёзных делах.

— Осторожно, не двигайся, — мягко предупредила она, но её рука с ножом действовала решительно и быстро.

Нож в её руке был всего шесть дюймов в длину, один из тех, что она когда-то бездумно растратила. От рукояти с резным узором до семи вставленных в лезвие драгоценных камней — всё в нём дышало показной роскошью. Но как бы он ни был показным, этот кинжал,

выкованный из холодного железа, всё же был острым, как бритва, и легко рассекал плоть.

Чжун Минчжу держала запястье Чан Ли, на её лице играла лёгкая улыбка, ленивая и нежная. Другой рукой она действовала без колебаний. Мерцающий холодный клинок двинулся к пульсирующей вене на запястье Чан Ли.

В тот момент, когда лезвие готово было коснуться белоснежной кожи, тело Чан Ли вдруг окуталось светло-зелёным светом. Нож был отброшен непреодолимой силой, не причинив ни малейшего вреда.

— Так и есть, — Чжун Минчжу посмотрела на бамбуковый цилиндр в руках Чан Ли и улыбнулась.

Светло-зелёный свет исходил именно от цилиндра. Это был тот самый цилиндр, который Чжу Маолинь дал ей для сбора крови цзяожэней. Теперь он превратился в спасительный амулет. Видимо, Чжу Маолинь что-то изменил в нём, пока они находились в его доме.

Чжун Минчжу подозревала, что именно благодаря этому цилиндру Байли Нинцин смогла так быстро найти их.

После того как она спаслась от меча Нань Сычу, у неё возникли подозрения, но она не хотела, чтобы другие знали об этом. Теперь, когда рядом была Чан Ли, она решила проверить это.

— Не знаю, о чём они думают... — пробормотала она, отпустила запястье Чан Ли и взяла цилиндр, внимательно его осмотрев. На её взгляд, это был просто обычный бамбук.

Тут Чан Ли вспомнила о нефритовой шкатулке, оставленной Чжу Маолинем, и передала её Чжун Минчжу.

Услышав объяснение, Чжун Минчжу подняла бровь, её глаза выражали ещё большее удивление. Она взяла шкатулку, осмотрела её и обнаружила, что она запечатана магической печатью. Она спросила, как её открыть, но Чан Ли, положив шкатулку в кольцо-хранилище, больше не смотрела на неё и не знала о печати, не помнила, чтобы Чжу Маолинь давал какие-то указания.

Они попробовали несколько способов, но шкатулка не открылась. Чжун Минчжу предположила, что Чжу Маолинь, уходя, забыл сообщить, как её открыть, и предложила разобраться с этим позже.

— Такие щедрые подарки, кто-то может подумать, что они мои родители... — она потерла виски и вздохнула.

Когда она узнала, что они тяжело ранены и сбежали, она злорадствовала. Теперь, столкнувшись с такой добротой, даже она почувствовала себя неловко.

Чан Ли же заметила:

— На тебе нет звериной ауры.

Чжу Маолинь и Байли Нинцин были культиваторами-яо, их потомки тоже были бы яо.

— Верно, — Чжун Минчжу засунула цилиндр и шкатулку обратно в своё кольцо-хранилище. Хотя она не знала, что они задумали, иметь что-то для защиты всё же полезно. Она осмотрела

растущее количество вещей в кольце и рассеянно спросила Чан Ли, чем та занималась в последнее время.

Что это за бусина?

Она снова задала себе этот вопрос, увидев тускло-красную бусину, и хотела спросить Чан Ли, но заметила в её глазах колебание.

Чан Ли всегда была прямолинейной, но теперь она колебалась —

Это открытие заставило Чжун Минчжу забыть обо всём. Она опустила глаза, в её светлых глазах появились хитрость и холодная восторженность.

Рука, что недавно держала запястье Чан Ли, снова потянулась, коснувшись её ладони. Подушечки пальцев отделяла от тёмной вены лишь тонкая кожа, и она чётко чувствовала, как пульс синхронизируется с дыханием.

— Разве я не говорила? Даже если я не спрашиваю, ты должна рассказывать мне о том, что касается меня. А теперь я спросила, так что ты должна рассказать.

— Касается тебя?

— Ты моя учительница. Твои дела касаются меня.

Она подняла голову, её лицо, затенённое фигурой Чан Ли, выглядело особенно послушным. Мягкая улыбка в глазах напоминала весенний ветер. Заметив, что пульс под её пальцами участился, в её взгляде появились игривость и торжество.

Это была врождённая склонность к злу, и она даже не пыталась её скрыть.

Колебание в чёрных глазах Чан Ли на мгновение усилилось, а затем исчезло, вернувшись к изначальной пустоте.

— Из-за Цяньмянь Яня... — произнесла она, её голос был холоден, как всегда.

Чжун Минчжу не смутила холодность Чан Ли. Вместе со склонностью к злу в её крови была и необъяснимая уверенность — или, скорее, самонадеянность. К тому же всё это она предвидела. Она внимательно слушала рассказ Чан Ли о событиях после их разлуки, её рука по-прежнему лежала на ладони Чан Ли, словно это было самым естественным движением.

— Цяньмянь Янь... — она произнесла это странное имя, на её лице появилось задумчивое выражение, а затем радость от озарения.

Это и есть то звено, скрытое в тумане.

Даже если это не оно, она сделает его этим звеном.

Жо Е стояла у двери, в десятый раз поднимая руку, чтобы постучать.

Чжун Минчжу уверяла, что у Чан Ли есть зацепки, и просила её не волноваться. Прошло несколько дней, и она всё больше нервничала, желая проверить, не проснулась ли Чан Ли, каждый час. Но воспитание говорило ей, что нельзя беспокоить отдыхающих.

Когда она была в нерешительности, дверь резко распахнулась. Чжун Минчжу, казалось,

собиралась выбежать, но, увидев стоящую у двери фигуру, сначала удивилась, а затем хлопнула в ладоши:

— Как раз вовремя!

С этими словами она втащила Жо Е в комнату и, не отводя взгляда, сказала:

— Расскажи мне всё, что ты знаешь о том, как Цяньмянь Янь похитил духовную жилу семьи Е. Всё.

К северу от Цзяояо, в пятидесяти ли, есть гора Ляньчи. Говорят, что когда-то здесь было опасное болото, но десятки тысяч лет назад владыка Чжэньцзэ вознёсся, и с тех пор зловещая вода превратилась в благословенную землю. Болото Ляньчи стало горой Ляньчи.

На вершине горы стоит пагода, названная в честь владыки воды. Её построили потомки в память о том, кто достиг бессмертия. Когда-то она процветала, но сейчас о тех временах давно забыли, и пагода, долгое время подвергавшаяся ветрам и дождям, превратилась в руины.

Поскольку она находится на вершине горы, здесь нечего искать, и даже грабители не обращают на неё внимания.

Сегодня это заброшенное место посетил гость, да ещё и одетый с иголки.

На его плаще с узором гор и рек сверкал свет, три аккуратно подстриженные бороды подчёркивали его правильные черты лица, делая его ещё более привлекательным. Это был Нань Мин, советник Юньчжуна и один из владельцев Павильона Чжэньбао, совсем не похожий на того, кто несколько месяцев назад с трудом шёл сквозь снег и лёд.

Он медленно поднялся на верхний этаж, поклонился трижды перед едва держащейся на стене дверью и только потом вошёл внутрь.

<http://bllate.org/book/16292/1468798>